

В октябре 1925 года гениальный поэт России Сергей Есенин написал в своей автобиографии: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал всё по-своему, с крестьянским уклоном». Мне понятно, что хотел сказать этим уточнением поэт, и потому вспоминаются строки его другого произведения, написанного немногим ранее, в 1924 году:

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Вспоминается и памятник Сергею Есенину, установленный поэту в Рязани. Уже тогда, несколько лет назад, когда я увидел памятник воочию впервые, мне показалось, что и взгляд радостно-открытых глаз Есенина, и то, как он раскинул руки, стоя на угоре перед окскими лугами, наполнены надеждой на будущее родины. Наконец-то скинула с себя «воспрянувшая Русь» всю гниль и темноту прошлого! И я как будто услышал радостное восклицание поэта:

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными временами
Встаёт иная степь.

Петроград. 1917 год. Есенину всего двадцать два года, а в жизнь его ворвались и захлестнули тревоги и житейские бури, грохот революции. 1917 год стал переломным этапом в жизни

всей России. И вполне естественно, что когда рушилась эпоха капитализма, а на смену ей шла неизвестная, да и многим непонятная эпоха социализма, перемены, происходящие в стране, заполняли головы людей «сплошным дымом»; и как тут можно было понять, «куда несёт нас рок событий»? Несомненно, душевный переворот, мучительную тревогу и надежды принёс семнадцатый год и в творчество Сергея Есенина. Поэт полон радужных чувств, дум и мечтаний о новой, воображаемой жизни, которая придёт на смену старому, отжившему царизму. Есенин бесстрашно выходит навстречу свежему ветру революционной поры, полной грудью дышит воздухом свободы.

А ведь совсем недавно, незадолго до революционных событий, буквально в конце 1916 года, по Петрограду поползли «чудовищные слухи»: Сергей Есенин был принят Александрой Фёдоровной в Царскосельском дворце. А после чтения стихов получил от императрицы разрешение посвятить ей цикл стихотворений в своей новой книге!

Возмущению «передовой общественности» не было предела. Огромная волна против поэта прокатилась в либеральных кругах Петрограда. Есенин был записан в ренегаты. Но... случилась Февральская революция! И каким-то чудом Есенин успел снять посвящение государыне в изданной в это время книжке «Голубень». Осталось всего насколько экземпляров с роковым: «Благоговейно посвящаю...» К счастью, это были только корректурные оттиски. А ведь не произойди революции, двери большинства издательств России могли навсегда закрыться для поэта. В то время либеральная общественность не прощала таких «преступлений», как «монархические чувства». Революция же, исправив и разрушив это загадочное поведение Сергея Есенина, освободила его от неизбежных либеральных репрессий литературной столицы России.

А странное противоречие Февральской революция состояло ещё и в том, что всемогущая противомонархическая оппозиция либеральной буржуазии, свергнув самодержавие и получив в руки власть, оказалась бессильной и бестолковой, чтобы удержать её в своих руках. И поэтому Есенину, как в народе говорится, было «плевать с колокольни» на либералов Временного правительства. Он уже прекрасно понял, что «настоящая власть» находится в особняке Кшесинской, в «совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»...

Большевики, имея своими лидерами таких блестящих вождей, как Ленина и Троцкого, действовали чрезвычайно решительно. Пока Керенский, пользуясь метафорой Есенина, «калифствовал», вещая о будущем России, они для «защиты завоеваний» революции, под прикрытием всё тех же советов, создают Красную гвардию, иными словами — штурмовые отряды со своими штабами, с сотнями, десятками дружин. Титаническими усилиями Ленин сумел сконцентрировать силы и бросить их на решительный штурм власти, которая уже не была способна к сопротивлению. Октябрьская революция начинала свою «железную поступь» по стране.

И Есенин своим «крестьянским чутьём» понимает, что связи через Клюева, Горького, Бонч-Бруевича, которыми он к тому времени обзавёлся, разветвляясь, поднимут его до самых «вершин» — Луначарского, Троцкого... до самого Ленина...

И кажется, что поэт вплотную приблизился к ВКП(б), ещё немного... Но даже после Октябрьской революции Есенин не становится членом партии большевиков. Хотя всё то, что было враждебно большевикам и левым эсерам в 1917—1918 годах,— Временное правительство, Корнилов, Учредительное собрание и монархисты, меньшевики и банкиры, о чём они прямо заявляли, что это «контрреволюция»,— было враждебно и Есенину. Поэт возглашает с верой и в радостно-обновлённом настроении:

В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира...

Он верит и знает, что Россия страдает, потому что на неё ополчились тёмные силы:

Господи, я верую!
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзённый край.

Так начиналась поэма «Пришествие», написанная Сергеем Есениным в октябре 1917 года. Русь, по Есенину,— это то место, откуда в мир приходит последняя истина:

За горой нехоженной,
В синеве долин,
Снова мне, о боже мой,

Предстаёт твой сын.
По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несёт свой крест.

Поэт, пользуясь евангельскими именами и ходом евангельского повествования, совершенно иное значение вкладывает в повествование своей поэмы. И не просто вкладывает, а в каждом стихе бьётся его душа, полная новых надежд и предчувствий.

Холмы поют о чуде.
Про рай звенит песок.
О верю, верю — будет
Телиться твой восток!

Есенин торопит событие, боясь, что оно может не состояться. Ведь жизнь и смерть, борьба и поражения ходят рядом. Но душой поэт верит, что новая жизнь в России взойдёт! И будет рождение и утверждение на земле нового человека, человека революционного времени.

Образ Христа, и, надо отметить, задолго до Александра Блока («Двенадцать»), Сергей Есенин использовал в стихотворении «Товарищ». Написано оно в марте 1917 года. Это история о сыне простого петроградского рабочего, гнувшего спину на заводчика «с утра до вечера». Рабочего, учившего сына «распевать марсельезу» и поучавшего его за «скудным обедом»:

«Вырастешь, — говорил он, — поймёшь...
Разгадаешь, отчего мы так нищи!»

У сына рабочего были и «товарищи: Христос да кошка». Но вот «взметнулся российский народ...». И сошёл Иисус с иконы «на землю с неколебимых рук», чтобы вместе с сыном рабочего идти на помощь борцам «за волю, за равенство и труд!». Сражённого медной пулей Иисуса Христа хоронят на Марсовом поле. Гибнет в огне борьбы и сын рабочего, но жертвы не напрасны, в поэзии Есенина присутствует энергия мужественной силы, поэт верит в неминуемую и предстоящую победу рабочего класса:

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,

Железное
Слово:
«Пре-эс-пуу-ублика!»

Почти одновременно со стихотворением «Товарищ» Есенин написал ещё одно замечательное стихотворение, дышавшее свежестью, наполненное весенним настроением, вешними водами, верой в свою уже неизбежно восходящую звезду. Стихотворение «Разбуди меня завтра рано...» было напечатано в газете «Вечерняя звезда» рядом с призывами к гражданам об оказании отпора «германским белогвардейцам». «Каждый рабочий, каждая работница, каждый крестьянин и каждая крестьянка *должны уметь стрелять*. Из винтовки, из револьвера, из пулемёта... На место старой армии ставит свободный народ свободную всеобщую армию свободных людей». На полях газеты рядом со стихами кто-то написал (причём написано это ещё в те годы): «Ахъ, Есенинъ! Чудакъ!!!!»

Но поэт остаётся поэтом в любые времена, пусть даже и принимается за чудачество публикация его тонких, лирических стихов рядом с воззваниями, передовицами, предсказаниями о крахе, о прекращении движения поездов, с протестами против цензуры и так далее.

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Есенин радушно встречал и свою поэтическую судьбу, мчащуюся навстречу поэту под звон колокольчика на золотой дуге, и будущее своей родины, нёсшее свет и радость, распахивающее новые светлые дали.

В этот период своего творчества Есенин очень сблизился с Александром Блоком. Учащаются их встречи, поэтов сближали раздумья о судьбах России, вера в силу и дух русского народа. И это, казалось бы, при разности их внутреннего мира, да и пути в революцию каждый из них выбирал свои. То, что Есенин и Блок встали на сторону Октября, отмежевало от них многих и многих литераторов.

Поэтому, наверное, такое неоднозначное отношение в литературной среде к поэме Есенина «Инония». Владислав Ходасевич высказался вполне конкретно и холодно:

«„Инония“ была лебединой песней Есенина как поэта революции и чаемой новой правды. Заблуждался он или нет, сходились или не сходились в его писаниях концы с концами, худо ли, хорошо ли, — как ни судить, а несомненно, что Есенин высказывал, „выпевал“ многое из того, что носилось в тогдашнем катастрофическом воздухе. В этом смысле, если угодно, он действительно был „пророком“». И далее Ходасевич уточняет: «Инония реальная должна была настать — или не настать. По меньшей мере, Россия должна была к ней двинуться — или не двинуться».

Не знаю, как другие, но я, когда читаю «Инонию», слышу мелодию и слова известного мне гимна, который звучит рядом с поэмой Сергея Есенина. И предполагаю, что поэт в январе 1918 года ещё не знал слов знакомого мне с юных лет гимна. Но как бы то ни было, а возникающие внутренние ассоциации воспроизводят в сознании торжественные слова:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

И вот, подтверждая мои навеянные воспоминаниями фантазии, Сергей Есенин торжественно заканчивает свою поэму словами:

Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!

Не пытаясь понять творчества Есенина, злопыхатели продолжали утверждать, что «неудачливость „Инонии“ — в свойстве дарования самого Есенина. От послушания — к богоборчеству... Потому выкрики Есенина в „Инонии“ не действуют. В старину это звалось кликушеством, ныне зовут это истерией.

Время моё пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплёвываю изо рта».

Это высказывание Ф. В. Иванова — критика, писателя, бывшего белого офицера, эмигранта первой волны, ненавидевшего революцию, политику. Он имел своё личное, заострённое отношение к творчеству Есенина.

Эмигрантам, покинувшим родину с обидой и ненавистью, не понять радостного настроения поэта от свершившегося в Октябре. Поэта, парившего над землёй. Это действительно полёт вдохновлённого переменами поэта, поверившего без оглядки в радость обновления, которого он ждёт от революции. И тем острее будет ощущаться разочарование, которое придёт через два-три года и которое до трагического конца не отпустит его душу, в ней будут копиться пустота, обида и одиночество. Ведь Россия не стала градом Инонией. Проницательность поэта Сергея Есенина, которая была неотъемлемой частью его совести, мучила и жгла его душу.

Есенин в «Инонии» показал крестьянский рай, мечты, которые поэт с детства усвоил в деревенской среде из разговоров константиновских мужиков. Без знания русской деревни узнать Россию вообще нельзя. А в этом и проявилось единство родины и судьбы незаурядного, гениального поэта.

Поэтому и казалось Есенину, что вот наконец-то революция исполнит все чаяния русских мужиков: вся земля — крестьянская, «Божья», воля и достаток. И эта идеальная картина раздвигается им до мировых масштабов. И эти масштабы дают ему право считать себя прорицателем и пророком. Он обращается к Америке, предсказывая ей гибель. И, по убеждению поэта, русская революция вмешается и переиначит на патриархальный лад Америку. И счастье человеку будет принесено «только водью свободной Ладоги», а не чугуновой радугой и железными кораблями, не лавой стальной руды.

Идеальный мир для Есенина — это свободный труд крестьянской жизни, и его утверждает революция в России, а потом и во Вселенной. И верится, что мысли, слова поэта искренни, всё выливается из души, открытой душой с надеждой, которая вела революционный народ России в земной рай.

Первые послеоктябрьские годы стали исключительно тяжёлыми для молодой Советской республики. Интервенция, белогвардейщина, контрреволюционные мятежи, заговоры, диверсии, разруха. Производство остановлено, эпидемии, голод.

Введена продразвёрстка, и ропот крестьянства, если не сказать более конкретно — повальное недовольство, перерастает в восстания. В сложной обстановке, после феерии,

надежд и радости, Есенин растерялся. Вместо сказочной земли Инонии и ожидаемого «мужицкого» рая поэт оказался «в развороченном бурей быте», обезображенном братоубийственной войной, голодом и разрухой. Но нет ни злачёных нив со стадом буланных коней, ни золотых шапок гор...

Поэт в отчаянии от действительности. Деревни пустеют, в избах выбиты окна, двери, поля засеяны стужей и пургой.

Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?

Как бурное весеннее половодье заливаает луга, прибрежные леса, деревни, так и разруха заполняла всё пространство России. Страна теряла былую силу. Сергей Есенин ранней весной 1918 года едет в Константиново — взглянуть и понять, чем и как живёт его родное село. Увидел и не узнал старого, патриархального Константиново. Дезертиры, бежавшие из армии Временного правительства, амнистированные уголовники, вышедшие на свободу «политические». Вся эта публика ведёт себя агрессивно, устраивая митинги и сходки. Есенин посещает сборища деревенской бедноты, но сам не выступает, больше слушает. А разговоры и требования почти одни и те же на всех митингах. Крестьяне требуют отдать всю землю безоговорочно и как можно быстрее.

Пожалуй, лишь одно сообщение из эсеровской газеты «Знамя труда» того времени прольёт свет на события, которые прокатились по всей России весной 1918 года. Сообщение помещено под заголовком «Как проходит земельная реформа на местах»: «Разгромлено имение Вяземского, оцениваемое до 50 миллионов руб. Сады вырублены, оранжереи разбиты, племенной скот часто резался. До 200 рысистых лошадей были уведены, и большинство из них на крестьянских кормах передохло».

Взглянул и понял Есенин, что действительность далека от «тихого шёпота речки», не «капает и песня с гор». Небо затянуто чёрными тучами, по полю скачет всепоглощающая стужа.

...скачет по полю стужа,
Окна выбиты, настезь двери.
Даже солнце мёрзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.

Есенин в отчаянии:

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?

Безвременьем разорвана «завязь человека с природой». Страшные видения видятся поэту в «Кобыльих кораблях»: «сёстры-суки и братья-кобели» отторгнуты, «человек съел дитя волчицы». И, обращаясь к нынешней власти Советской России, не понимающий этих страшных видений поэт восклицает:

Вёслами отрубленных рук
Вы гребётесь в страну грядущего.

А говоря со зверями, как обычно, как с «братьями нашими меньшими», он призывает их к добру, потому что не верит в добро людей, допустивших запустение и голод в стране:

Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень.

Исток есенинского отчаяния, а в конечном итоге драмы поэта — в несбывшейся мечте, в крушении иллюзий о «чаемом граде»: «Ведь идёт совершенно не тот социализм, о котором я думал...» Но разве вина поэта в том, что он заблуждался, да впрочем, не он один, а было их много, восторженных мечтателей, поверивших в мгновенное преобразование старого мира в земной рай. Не верил Есенин и в «смычку» города и деревни, видел в ней гибель, а не спасение крестьянской Руси. И совершенно не случайно выбрал название для своего стихотворения «Сорокоуст», стихотворения, действительно звучащего как молитва по усопшему:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?

Да разве угнаться деревенскому красногривому жеребёнку за бегущим на чугунных лапах поездом, храпящим железной ноздрей? Валерий Брюсов высоко оценил стихотворение Сергея Есенина, говоря, что оно «самое лучшее из всего, что появилось в русской поэзии за последних два или три года».

Тогда многим показалось, что душа Есенина ожесточилась, «последний поэт деревни» вдруг становится

беззаботным забуддыгой, забубённой головушкой. Но за бравадой не скроешь тонкую, воспринимающую чужую боль душу. А. Н. Толстой очень точно уловил происходящие в душе поэта борьбу и смятение:

«Милый, талантливый Есенин, никогда, сроду не были вы конокрадом и не стаивали с кистенём в голубой степи... Кому нужно, чтобы вы изо всей мочи притворялись хулиганом? Я верю вам и люблю вас, когда вы говорите:

Стеля стихов злачёные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Но когда вы через две строчки выражаете желание:

Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну...—

не верю, честное слово... Милый Есенин, не хвастайте...»

И на самом деле Сергей Есенин оставался крестьянским сыном. Не высох родник его поэтического творчества, не нарушил он своё единство со всем живым на земле. Стихи по-прежнему звучат как глубокий вздох, естественно и чисто:

Я люблю родину.
Я очень люблю родину.

Жизнь и поэзия Сергея Есенина — постоянный поиск нежной душой своего места в жизни. У каждого свой путь к истине. Есенин свой путь прошёл «в сплошном дыму, в развороченном бурей быте», прошёл по российской земле, «объятай вьюгой и пожаром». Сила поэзии Есенина в том, что он сумел понять, осмыслить философски и раскрыть художественно величайшее историческое значение Октябрьской революции. В 1918 году поэт пророчил будущее человечеству с «воздушными корабельщиками», которые будут «перекликаться с земли не только с близкими... спутниками, а со всем миром в его необъятности». Не став равнодушным и чёрствым, Есенин щедро дарил людям свою любовь, воспевая «шестую часть земли с названьем кратким „Русь“».